

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ СУБЪЕКТИВНЫХ ОТОБРАЖЕНИЙ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЧЕЛОВЕКА В ПРАКТИКЕ РАСКРЫТИЯ (ВЫЯВЛЕНИЯ) И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Одной из задач первоначального этапа расследования преступлений является установление потерпевших, свидетелей и получение от них сведений о внешнем облике лиц, скрывшихся с места преступления.

В теории криминалистики вопросы, связанные с формированием показаний данных лиц, рассматривались применительно к тактике проведения отдельных следственных действий и методике расследования в работах А.М. Алексеева «Психологические особенности показаний очевидцев» (1972), А.А. Бодолева «Восприятие человека человеком» (1965), Н.И. Гаврилова «Ошибки в свидетельских показаниях» (1983), Е.Е. Гапановича «Опознание в судопроизводстве» (1975), А.Я. Гинзбурга «Тактика предъявления для опознания» (1971), Ю.П. Дубягина, Ю.Г. Торбина «Использование данных о внешности человека в раскрытии и расследовании преступлений» (1987), М.Н. Овсянникова «Использование данных о внешнем облике человека в оперативно-следственной практике органов внутренних дел» (1985), Н.И. Порубова «Допрос в советском уголовном процессе и криминалистике» (1968) и др.

Решению указанной задачи, в определенном объеме способствует отрасль криминалистической техники – криминалистическая габитоскопия, изучающая закономерности запечатления внешнего облика человека в различных отображениях и разрабатывающая средства, приемы и методы собирания, исследования и использования данных о внешнем облике в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Познание закономерностей запечатления внешнего облика человека в различных отображениях: объективных (фотоснимки, видеозаписи, портреты, посмертные маски отражающих внешний облик человека), субъективных (мысленный образ, например, внешнего облика лица, совершившего преступление) является одной из закономерностей криминалистической габитоскопии.

Изучение научных работ Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина, А.И. Винберга, А.В. Дулова, Н.С. Бокариуса, А.А. Гусева, А.М. Зинина, З.И. Кирсанова, М.Н. Овсянниковой, П.Г. Орлова, Т.Ю. Османова, Ю.А. Пересункина, С.М. Потапова, С.А. Пичугина, З.Г. Самошиной, В.А. Снеткова, Н.В. Терзиева, А.А. Топоркова, А.М. Зинина и др. в сфере криминалистической габитоскопии показало, что такое направление, как субъективные отображения внешнего облика человека, воспринимавшего событие преступления, в части особенностей его формирования и факторов, влияющих на его формирования, не являлось предметом отдельного научного исследования.

С нашей точки зрения, целостный процесс формирования субъективных отображений внешнего облика человека в практике раскрытия (выявления) и расследования преступлений включает: действия свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, непосредственно воспринявших, запомнивших, воспроизведших субъективные характеристики внешнего облика участника преступления; действия следователя (лица, производящего дознание), воспринявшего и зафиксировавшего на основе показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых субъективные отображения внешнего облика человека – участника преступления в протоколе допроса, розыскной ориентировке и др.

Под восприятием в данном контексте понимается отображение в памяти свидетелей (потерпевшие, подозреваемые) общефизических, анатомических, функциональных признаков постоянных, носимых предметов, составляющих внешний облик человека. Восприятие внешнего облика человека зависит от ряда факторов. К объективным факторам, затрудняющим восприятие, относятся: удаленность от места события; непродолжительность восприятия; неблагоприятные условия (темнота, яркий свет, погодные условия); иные (маскировка). Субъективные факторы, затрудняющие восприятие: физические или психические недостатки свидетеля; временные отклонения в психической деятельности (волнение, раздражительность, страх, усталость, возбуждение и т. п.); отсутствие интереса к происходящему; иные (опьянение).

Запоминание представляет собой процесс сохранения в памяти свидетелей (потерпевшие, подозреваемые) сведений о внешнем облике человека. Данный процесс зависит от таких факторов, как вид, свойство памяти; преднамеренность или непреднамеренность запоминания, время, истекшее с момента восприятия, сила впечатления (испуг, страх и др.), возраст, темперамент наблюдавшего и др.

Воспроизведение сведений о внешнем облике человека – это сообщение свидетелем (потерпевший, подозреваемый) запомнившейся им информации в процессе допроса (опроса). На этот процесс большое влияние оказывают особенности речи, словарный запас, образование и другие факторы, характеризующие свидетеля, запомнившего сведения о внешнем облике человека; умение сотрудника органа внутренних дел системно задавать вопросы для получения полного объема сведений о внешнем облике наблюдавшегося лица.

Этап восприятия следователем (лицом, производящим дознание) сведений о внешнем облике человека во многом зависит от правильного понимания следователем языковых форм, используемых для выражения мысли свидетелем, и понимания свидетелем вопросов, которые задаетследователь.

Следователь (лицо, производящее дознание) фиксирует субъективные отображения внешнего облика человека в протоколе допроса, розыскной ориентировке и др. По нашему мнению, в большинстве случаев в данных документах отражается незначительное количество сведений о внешнем облике лиц, причастных к совершенному преступлению. В основном это сведения о возрасте, поле, росте, телосложении, цвете волос, одежде. Проблема отражения такого количества признаков связана, с одной стороны, с особенностями процессов запоминания, сохранения, воспроизведения информации свидетелями, а с другой – с возможностями сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих розыск лиц, сведения о которых отражены в розыскной ориентировке.

НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ФАКТОВ БЕЗВЕСТНОГО ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ГРАЖДАН

Происходящие в Республике Беларусь социально-экономические преобразования обнажили множество проблем нашего общества, в том числе и в области охраны прав и свобод граждан, обеспечения права на жизнь. Одной из таких проблем является методика расследования безвестного исчезновения граждан.

Одними из основных конституционных принципов Республики Беларусь являются обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь (ст. 21 Конституции Республики Беларусь), защита жизни человека от любых противоправных посягательств (ст. 24 Конституции Республики Беларусь). Всеобщая декларация прав человека (ст. 3) также отмечает права каждого человека на жизнь, свободу и личную неприкосновенность. Указанные конституционные и международные положения нашли свое выражение в уголовно-процессуальном законодательстве нашего государства, регламентирующем вопросы уголовно-процессуальной деятельности в случае безвестного исчезновения гражданина. Так, в ч. 2 ст. 167 УПК Республики Беларусь закреплено, что основанием к возбуждению уголовного дела является исчезновение лица, если в течение 10 суток с момента подачи заявления оперативно-розыскными мероприятиями, проведенными в этот срок, установить местонахождение лица не представляется возможным. При этом наличие оснований полагать, что человек стал жертвой преступления, не обязательно (в отличие, например, от законодательства Российской Федерации). В постановлении о возбуждении уголовного дела по факту исчезновения лица статья УК Республики Беларусь не указывается (ч. 3 ст. 175 УПК Республики Беларусь).

В последние годы отмечается тенденция роста числа лиц, пропавших без вести. Причины исчезновения граждан могут быть как криминального, так и некриминального характера. К ним относятся психические расстройства и иные болезненные состояния пропавших граждан, нежелание исчезнувших лиц общаться с родными и близкими, несчастные случаи, природные и техногенные факторы и др. Наибольшую озабоченность вызывают факты исчезновения граждан при криминальных обстоятельствах, связанные с отчуждением квартир, автотранспорта, занятием предпринимательской деятельностью, преступлениями сексуального характера, с последующим сокрытием трупа и др.

Обеспечение функции расследования фактов безвестного исчезновения граждан отнесено к компетенции следователей Следственного комитета Республики Беларусь, которую они осуществляют в тесном взаимодействии с сотрудниками оперативных подразделений органов внутренних дел. Фактор тесного, надлежащим образом организованного сотрудничества является определяющим в ходе расследования уголовных дел по фактам безвестного исчезновения граждан.

Количество лиц, местонахождение которых не установлено, обусловлено и тем обстоятельством, что в настоящее время отсутствует должное криминалистическое обеспечение расследования пропавших без вести. В то же время уровень развития юридических наук и анализ судебно-следственной практики позволяют осуществить специальную научную разработку данной проблемы.

К числу проблемных вопросов, требующих изучения и решения применительно к методике расследования фактов безвестного исчезновения граждан следует отнести, во-первых, взаимодействие следователя и сотрудников оперативно-розыскных подразделений. В криминалистике взаимодействие – это элемент организации расследования и практическое выражение согласованной совместной деятельности его субъектов. На практике приходится сталкиваться с разобщенностью действий органов следствия и дознания, слабыми и непродуктивными формами взаимодействия. Не всегда качественно и своевременно выполняются отдельные поручения следователя органом дознания, часто в поручении излагается задача, выходящая за пределы компетенции сотрудников органов внутренних дел. Например, до августа 2015 г. в г. Минске следственное подразделение по расследованию фактов безвестного исчезновения граждан располагалось в управлении Следственного комитета по г. Минску, при этом сотрудники отделов розыскной работы базировались в районных управлениях органов внутренних дел. Взаимодействие следователей и сотрудников органов внутренних дел было не эффективным, планирование совместных действий было затруднено. В целях повышения эффективности взаимодействия двух субъектов в ходе расследования безвестного исчезновения граждан было принято решение о передаче уголовных дел в районные отделы Следственного комитета Республики Беларусь.

Во-вторых, недостатки, имеющиеся в планировании расследования фактов безвестного исчезновения граждан. Эффективное расследование дел данной категории затруднительно без надлежащего оперативного сопровождения. В совместном планировании расследования сотрудники оперативных подразделений в абсолютном большинстве случаев не участвуют, при этом отработка версий исчезновения лица осуществляется каждым субъектом самостоятельно, а обрабатываемые версии часто не совпадают или противоречат друг другу. Все это приводит к получению разобщенной информации, препятствует решению задач, возникающих в ходе расследования фактов безвестного исчезновения граждан.

В-третьих, недостатки при проведении следственных действий. Так, на практике возникают сложности с проведением качественного осмотра места происшествия. Поскольку на начальном этапе расследования следователь не располагает информацией о месте проведения данного следственного действия, местонахождении исчезнувшего лица (или трупа), то первоочередной задачей является тщательное исследование места проживания или места пребывания пропавшего лица. Объясняется это тем, что осматриваемый объект может являться местом совершения (или сокрытия) убийства, а значит сохраняет разнообразные следы преступления, то есть данное следственное действие является отправной точкой получения доказательственной базы. На практике нередко по уголовным делам о безвестном исчезновении граждан производятся повторные осмотры места жительства, пребывания исчезнувшего лица, причиной чему является неполнота, недоброкачественность первоначального осмотра. Часто объекты, изымаемые в ходе осмотра места происшествия, являются недостаточными или непригодными для проведения по ним исследований. Не всегда изымаются письма, дневники, черновые записи, корреспонденция, системные блоки ЭВМ, медицинские документы исчезнувшего лица.

В-четвертых, недостатки, имеющиеся при использовании специальных знаний в ходе расследования безвестного исчезновения граждан. Не во всех случаях при поступлении сообщения о безвестном исчезновении граждан следственно-оперативная группа выбывает на осмотр последнего места жительства, пребывания пропавшего в полном составе, нередко для проведения осмотра не выбывает специалист. При расследовании факта безвестного исчезновения граждан и получении новой информации о месте пребывания без вести пропавшего повторный осмотр не производится, а если и производится, то также без участия специалиста. При опросе родственников пропавшего лица следователь часто приходит к выводу, что пропавшее лицо не является жертвой несчастного случая, преступления, а просто «загуляло», в связи с чем осмотр места проживания пропавшего проводится поверхностно (формально), назначение экспертиз не производится или экспертизы назначаются несвоевременно.

В-пятых, эпизодическое взаимодействие следователя с общественными организациями, занимающимися поиском пропавших граждан. Невсегда является продуктивным использование возможностей средств массовой информации. Взаимодействие волонтеров со следственными органами носит эпизодический характер, объекты поиска волонтерскими организациями выбираются самостоятельно. Несогласованность действий приводит к тому, что добровольцы нередко срывают планы правоохранительных органов по розыску без вести пропавших лиц. В дальнейшем данные действия могут привести либо к сокрытию следов преступ-

ления, либо к тому, что лицо (убежавший несовершеннолетний), сознательно скрывающееся от родственников и правоохранительных органов, примет дополнительные меры по противодействию установлению своего местонахождения. Встречаются случаи, когда сотрудники правоохранительных органов устанавливали преступника, совершившего убийство, при этом он сам активно участвовал в поиске пропавшей жертвы.

Резюмируя вышесказанное, представляется необходимым отметить, что вопрос расследования безвестного исчезновения граждан является актуальным и требует всестороннего исследования. Одно из направлений решения этой проблемы – совершенствование методики расследования фактов безвестного исчезновения граждан. Повышению эффективности данной методики может способствовать детальное исследование обозначенных выше вопросов.

УДК 343.985

В.Л. Григорович

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ГОЛОГРАФИИ

Уровень развития криминалистической техники зависит от современного состояния научно-технического прогресса, вне этого невозможно правильно познать сущность криминалистики, служебной ролью которой является привнесение в уголовное судопроизводство современных возможностей науки и техники для целей раскрытия и расследования преступлений.

Одним из направлений научно-технического прогресса, которое можно и нужно использовать для предотвращения преступлений, собирания, исследования и использования доказательств, является голография. Применение средств и методов голографии для решения задач, стоящих перед криминалистикой, должно основываться на нормах права. Правовые основы, во-первых, определяют законодательную регламентацию применения голографии для предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, во-вторых, предусматривают научную обоснованность и истинность получаемых при ее использовании результатов, в-третьих, являются неотъемлемым компонентом в формировании криминалистической голографии как отрасли криминалистической техники.

Как верно писала П.С. Элькинд, проблема использования данных естественных и технических наук в борьбе с преступностью является не только криминалистической, но и уголовно-процессуальной, поскольку требует выяснения «необходимости и пределов нормативного закрепления использования в уголовном судопроизводстве... научно-технических средств, в установлении процессуальных гарантий личности». В связи с этим не случайно ряд авторов решают проблему использования достижений научно-технического прогресса в следственной практике с процессуальных позиций, ибо «упоминание в законе, что результаты применения научно-технических средств – источники доказательств, связано с необходимостью установить критерии допустимости использования этих средств».

Мы солидарны с мнением Г.И. Грамовича, что использование научно-технических средств правомерно лишь тогда, когда оно прямо предусмотрено или рекомендовано законом, либо не противоречит закону по своей сущности. Самые общие правовые основания применения средств голографии, как и любых других научно-технических средств, вытекают из требований ст. 2 УПК Республики Беларусь, в которой определены задачи уголовно-процессуального закона. Хотя в этих нормах и не указывается непосредственно на голографические средства, которые могут быть использованы в процессе расследования, решение поставленных в них задач требует применения в борьбе с преступностью всех доступных средств и методов, в том числе и голографических.

Ряд статей УПК Республики Беларусь прямо предусматривают возможность применения научно-технических средств (ст. 192, 193, 204, 205, 207, 214, 219, 222, 225), не устанавливая ограничений, но определяя общий порядок их использования в ходе расследования преступлений. При этом закон не приводит исчерпывающего перечня научно-технических средств, а лишь предоставляет возможность их использования, например для фиксации хода и результатов следственных действий (фотосъемка, аудиовидеозапись и др.).

Как известно, в литературе неоднократно высказывалось мнение о необходимости перечисления в законе всех научно-технических средств и методов, которые могут быть использованы при расследовании преступлений. Такой подход вызывал справедливые критические замечания со стороны ученых-криминалистов. Еще в 1975 г. Р.С. Белкин писал, что «выход из сложившейся ситуации – не в дальнейшей правовой регламентации отдельных технических новинок, а в разработке законоположений общего характера, открывающих простор для внедрения техники в уголовное судопроизводство в безусловных рамках законности и процессуальных гарантий». В 2001 г. Р.С. Белкин вновь отмечал, что «законодатель не должен и не может называть в тексте УПК конкретные технические средства как в силу развития техники, так и в силу зависимости, которая существует между конкретной ситуацией и тем техническим средством, которое в соответствии с этой ситуацией выбирает следователь».

Мы разделяем точку зрения Г.И. Грамовича о том, что даже если бы такой перечень удалось составить, то применение любого нового научно-технического средства можно было бы объявить неправомерным только на том основании, что оно не указано в перечне. Это отрицательно сказалось бы на развитии криминалистической техники и повышении эффективности борьбы с преступностью.

М.А. Филиппова предложила дать конкретный перечень научно-технических средств не в законе, а в подзаконных нормативных актах (приказы, инструкции). Однако и в этом случае возникнут указанные выше проблемы, препятствующие эффективному использованию достижений научно-технического прогресса в борьбе с преступностью. Эти приказы или инструкции будут громоздкими, не смогут поспевать за развитием техники. Сохранится то же формальное основание считать неправомерным использование не указанных в них научно-технических средств, поэтому при решении вопроса о применении технических средств и методов следует руководствоваться не столько прямыми указаниями закона о дозволенности использования того или иного средства либо метода, сколько тем, соответствует ли использование данного научно-технического средства целям и принципам правосудия, букве и духу закона.

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что согласно ч. 3 ст. 192 УПК Республики Беларусь при производстве следственных действий могут применяться технические средства и использоваться научно обоснованные способы (в том числе и голографические) для обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств. В со-